

УДК 93:342.5(045)

**ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ
КАЗАХСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ:
МЕЖДУ АККУЛЬТУРАЦИЕЙ И ИНКОРПОРАЦИЕЙ**

© 2018 С.В. Любичанковский

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара
Оренбургский государственный педагогический университет

Статья поступила в редакцию 06.02.2018

В статье дан анализ основных историографических подходов к проблеме формирования казахской интеллигенции на территории Оренбургского края. Сделан вывод о том, что в дореволюционный историографический период проблема национальной интеллигенции не ставилась, поскольку правительственный курс не предполагал социальных мероприятий по её формированию. Советская историография даже в условиях методологического диктата оставила богатый материал для дальнейших исследований по культурно-образовательной интеграции двух народов. На современном историографическом этапе авторы всё чаще рассматривают историю становления казахской интеллигенции, применяя так называемый «имперский подход». В итоге основной спор идет между сторонниками двух концепций – аккультурации и инкорпорации.

Ключевые слова: аккультурация, инкорпорация, Российская империя, культурное взаимодействие, Оренбургский край, казахи, интеллигенция.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008).

Изучение казахской интеллигенции на территории Оренбургского края в последние годы обозначалось как достаточно востребованная тема в исторической науке. Это обусловлено рядом факторов.

Во-первых, изучение истории казахской интеллигенции в период её зарождения позволяет выявить определённую грань имперской политики российского государства по отношению к национальным окраинам. Результатом «втягивания» казахского этноса в имперское политико-правовое, экономическое и, что очень важно, – в культурное пространство явилось возникновение социальной прослойки европейски образованных казахов. Безусловно, что реализация в первую очередь кадровой политики в Оренбургском крае стала отправной точкой для развития в нём системы народного образования, включая «иностранное».

Второй аспект актуальности исследования определяется остротой поставленной проблемы, особенно для современного Казахстана, поскольку вопрос о зарождении, формировании и становлении национальной интеллигенции напрямую связан с проблемой развития

национального сознания этноса, с идеями саморазвития казахского культурно-религиозного пространства, с анализом процесса аккультурации и его последствий для всего казахского этногенеза.

Прежде чем приступить к обзору современных исследований, в которых авторы рассуждают о степени инкорпорации казахской интеллигенции в имперское пространство, понимая под этим процесс включения указанной группы в структуру российского общества посредством законодательного регулирования, в нашем случае, образовательной сферы о сохранении этнической идентичности, о процессах ассимиляции и аккультурации, мы считаем необходимым обратиться к дореволюционной историографии, в которой давали картину развития образования на исследуемой нами территории. В первую очередь это работы А.Е. Алекторова и А.В. Васильева. А.Е. Алекторов, стоявший сам у истоков становления иностранного образования, ратовавший за приобщение казахов к светскому образованию, в своём «Очерке народного образования в Тургайской области» показал этапы имперской образовательной политики, поиски наиболее приемлемых форм обучения и воспитания казахских детей посредством государственных школ, эволюцию подходов к мусульманскому образованию и миссионерской деятельности РПЦ в крае¹.

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала ИРИ РАН, зав. кафедрой истории России Оренбургского государственного педагогического университета. E-mail: svlubich@yandex.ru

А.В. Васильев в 1896 году издал свой труд «Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние»². Автор дал картину состояния учебных заведений, существовавших в исследуемой области, в которых обучались казахские дети, была охарактеризована деятельность властей в отношении русско-казахских школ, высоко оценена деятельность одного из первых представителей казахской интеллигенции И. Алтынсарина в деле продвижения в практику «системы Ильминского». Автор коснулся проблемы дальнейшего обучения казахских детей в средних, специальных и высших школах Российской империи, был дан перечень тех центральных вузов, в которых казахская молодёжь могла продолжить своё обучение. Особое внимание уделено социальной поддержке студентов – показаны источники формирования стипендий, условия её получения.

Большой интерес представляют работы тех дореволюционных авторов, которые отстаивали необходимость светского образования для казахов, объясняя «пагубность» влияния на этот этнос образования, построенного исключительно на догмах Корана. По мнению яркого представителя европеизированной казахской интеллигенции Ч. Валиханова, «татарские муллы» с их фанатизмом губительно нивелировали этнические особенности казахов³.

Мнение, высказанное Ч. Валихановым, поддерживали такие деятели, как М.А. Миropиев, востоковед Н.П. Остроумов⁴. Данные авторы настаивали на необходимости российско-имперской модели образования для «иностранцев», включая казахов.

Джадидизм не входит в предмет нашего рассмотрения, но отметим, что его представители стали на позиции модернизации мусульманской, а не российско-имперской модели образования.

Таким образом, в дореволюционной историографии проблема образовательной политики в отношении казахов затрагивала проблемы религии и русификации.

Во второй историографический период исследование процесса формирования казахской интеллигенции шло в ключе разоблачения «колониальной политики царизма». В конце 1920-х – в 1930-е гг. вышел ряд работ, в которых образовательная политика, проводимая Российской империей на восточных окраинах, характеризовалась как насильственная, проводимая лишь для осуществления «колониальной политики царизма»⁵.

В работах исследователей исключительно негативно оценивались мектебе и медресе. Они объявлялись очагами распространения реакционной идеологии, критиковались методы преподавания и условия, в которых велось обучение⁶. Что касается русско-киргизских и аульных

школ, то их оценка была более положительной, хотя общий тон в обвинении в насильственной русификации никуда не исчез. Это прослеживается в работах Н. Сабитова и Т.Т. Тажибаева⁷.

Процесс становления казахской интеллигенции рассматривался исследователями на примере жизни и деятельности её ярких представителей – Ч. Валиханова и И. Алтынсарина⁸. В работах прослеживалась преемственность становления мировоззрения казахских просветителей от передовой педагогической мысли, их деятельность в деле становления образования в крае, философские взгляды, литературные опыты.

До конца советского периода в работах, посвящённых культурному развитию казахского народа, преобладал классовый подход в оценке имперской политики независимо от того, какая оценка давалась тем же русско-туземным школам⁹.

Современный историографический период интересен тем, что отход от единственно возможной прежде модели позволил авторам брать за малоизвестные темы и сюжеты с позиций разнообразных методологических подходов, в том числе и имперского, поскольку формирование казахской интеллигенции было последствием (пусть и неозвученным) имперских проектов и практик.

Отметим, что мы обнаружили явное различие в оценке образовательной политики, проводимой в крае по отношению к казахам, у современных российских и казахских авторов (за редким исключением).

Российские авторы пересматривают понятие «русификация», придавая ему более расширенное толкование. Так, например, Б.Н. Миронов утверждает, что политика русификации не создавала преимуществ и привилегий для русских, а была направлена на систематизацию, унификацию управления. Преследовала интеграционные цели – создание единой российской нации¹⁰.

В работе А.К. Тихонова, посвящённой этно-религиозной политике Российской империи, доказываемое, что русификация была методом интеграции окраин, при этом он был гибким, поскольку учитывал поликонфессиональную картину этнорегионов, внешнеполитические риски, уровень политического и экономического развития той либо другой «окраины» и её значимость для общеимперского пространства¹¹.

На методе настаивал и другой современный исследователь А.В. Ремнёв. Он доказывает, что русификация была пусть жёстким, но вполне целесообразным методом сохранения целостности империи¹².

Ю.А. Лысенко разделяет представленное мнение и доказывает его верность на примере проведения русификаторской политики при помощи миссионерских просветительно-образовательных программ. Анализ деятельности

церковно-приходских миссионерских школ для казахов, организованных по системе Н.И. Ильминского, а также религиозной пропаганды среди представителей «иной культуры», казахов в том числе, по мнению автора, свидетельствует о том, что тем самым создавались благоприятные условия для «успешной инкорпорации многочисленных этнорегионов России (в том числе и Казахстана) в единое политико-правовое, социокультурное имперское пространство»¹⁵.

Проблема формирования казахской интеллигенции в Оренбургском крае затронута в диссертационной работе М.В. Стуровой. Анализируя развитие системы образования в Северо-Западном Казахстане, автор считает, что формирование образовательного пространства региона происходило с учётом его этнических и религиозных особенностей. Становление образовательной системы было одной из составляющих обширного комплекса мер, направленных на интеграцию населения края в общеимперское пространство. На этот раз – в образовательное.

М.В. Стурова настаивала на культуртрегерском варианте интеграции казахов в социокультурное пространство Российской империи. Данный вариант, по мнению автора, создал основу для прочих связей через воспитание поколения, которое потенциально было готово к восприятию российско-имперских цивилизационных основ и мировоззренческих установок.

М.В. Стурова указывает на многовекторное включение казахов в правительственную школу в связи с конкретно-историческими условиями и особенностями хозяйственно-культурного типа казахского населения.

Г.В. Савицкий в своей диссертационной работе «Начальное народное образование на Южном Урале и в Северо-Западном Казахстане в 1850-1917 годах» доказывает, что становление и развитие русско-национального обучения, использование русского и родного языка влияло на формирование национальной интеллигенции, расширяло доступ нерусских (включая казахов) к достижениям русской и европейской передовой мысли¹⁴.

Особенности функционирования казахских школ на территории Западной Сибири рассмотрены в публикации О.В. Блиновой¹⁵. Автор отмечает ту осторожность, с которой правительство организовывало светские министерские школы для казахов. По поводу аульных школ отмечено, что они содержались на средства казахского общества. Это расценено как вид интеграции казахов в состав общеимперской системы образования.

Исследуя государственную политику в деле просвещения нерусских народов во второй половине XIX – начале XX века, И.А. Анохина склонна объяснять её активизацию обострением вопроса культурной консолидации в много-

национальной империи. Автор считает, что просвещение нерусских народов имело свою специфику в каждом отдельно взятом этническом регионе. Либерализацию воззрений общества и имперских властей на вопросы инородческого просвещения И.А. Анохина связывает с утверждением всесословности начальной школы. «Инородческий вопрос» вышел на уровень государственного, считает автор¹⁶.

Относительно современной казахской историографии необходимо отметить, что начиная с 90-х гг. XX века тема становления национальной интеллигенции получила политизированную окраску.

Современная казахская историография предпринимает попытки пересмотреть установившиеся взгляды на историю становления и формирования казахской интеллигенции. Казахских исследователей не устраивает датировка зарождения этой социальной прослойки, которую относили ко второй половине XIX – началу XX века. Озвучиваются мысли о том, что как только начинает формироваться нация, так сразу зарождается и интеллигенция¹⁷.

Исследователи начала 90-х гг. XX века, например, Х.М. Абжанов и Л.Я. Гуревич, на волне провозглашения национального суверенитета активно проводили мысль о том, что работники умственного труда были в казахском обществе и в XIV в., и в XVII в. К ним причисляли архитекторов, композиторов, военачальников, поэтов, дипломатов и др. Ссылка при этом делалась на имена более 10 поэтов, которые сохранила антология казахской поэзии «Бес расыр жырайды»¹⁸.

А.С. Ильясова расширила список представителей интеллигенции такими именами, как Аль-Фараби, Бухар-жырау, Кадыргали-бек Жалари и др.

В то же самое время выходят работы В.К. Григорьева и Ю. Шапорева, в которых содержится устоявшееся мнение по поводу казахской интеллигенции. В.К. Григорьев считает, что казахская интеллигенция формировалась из представителей феодально-бийских кругов, из довольно разномастной массы учителей, переводчиков, мелких служащих, ремесленников, крестьян и т.д. У интеллигенции автор выделяет верхний слой. Его представители получили образование в реальных училищах, гимназиях, вузах, были относительно свободны от религиозных догматов, тяготели в социально-политическом плане в основном к русским партиям и организациям. Что же касается низовых слоёв, то, по мнению В.К. Григорьева, их представители придерживались различных умонастроений, тем более что выпускникам аульно-городских школ интенсивно преподавались догматы мусульманской религии¹⁹. В другой своей работе, выполненной в соавторстве с Ю. Шапоровым, В.К. Григорьев обращал внимание на то, что вестернистски настроенная часть казахской интеллигенции была чрезвычайно немногочисленна. По данным ав-

тора, высшее и незаконченное высшее образование было у примерно 120 казахов и у около 700 казахов, которых можно было причислить к образованной казахской элите, были за спиной мектебе, училища и учительские семинарии²⁰.

В 1990 году вышла работа И.Я. Гармса, посвящённая жизни и деятельности одного из просветителей края – А. Васильева. В работе содержатся сведения о первых казахских учителях, работавших в Тургайской области²¹.

Интерес представляет исследование М.С. Бурбаева. Хотя оно хронологически не захватывает наш период, но в нём содержатся сведения о представителях казахской интеллигенции, получивших образование в разнообразных образовательных учреждениях, в том числе и на территории Оренбургского края²².

Б.А. Кенжетаяев занялся проблемой того, насколько доступна для казахских юношей была имперская, светско-государственная схема получения образования²³. Автор попытался реконструировать модель обучения казахского студенчества на примере Казанского учебного округа.

В 1998 году в Алматы вышло исследование Г.М. и В.Г. Храпченковых. Авторы взялись за анализ тех теоретико-методологических аспектов, под влиянием которых шло развитие школьного образования и педагогической мысли в регионе. Исследователи пришли к выводу о том, что даже немногочисленная группа казахских учителей делала многое для просвещения казахского народа и реализации программы просвещения в Степи²⁴.

С.Ш. Казиев делает попытку связать становление казахской этнонациональной идентичности с противоборством двух проектов. Первый проводила та национальная элита, которая получила образование в русской школе. Эта часть интеллигенции, по словам автора, пыталась привнести европейские ценности в кочевое общество, расколотое по родоплеменному принципу. Второй – конкурирующий проект, инициаторы и последователи которого ратовали за создание особой тюркской нации. Автор считает, что интеллигенты – западники (элита) были последователями отстаивания своего этноса путём цивилизованного обращения к имперским властям, а также стремились спланировать свою нацию посредством литературного казахского языка, написания национальной истории. «Низовая» интеллигенция более сочувственно относилась к мусульманским реформаторам с их идеей тюркской нации.

С.Ш. Казиев оценивает чрезвычайно высоко создание литературного казахского языка и адаптированной к нему письменности для становления нации²⁵. Отметим, что у этой точки зрения есть противники. Так, например, современный исследователь Т.К. Бейсембиев настаивает на том, что язык тюрки вполне мог бы стать консолидирующим для тюркской нации. Этот

язык позиционируется автором как наддиалектный и понятный всем тюркским народам несмотря на арабские и персидские включения²⁶.

А.А. и А.Н. Гафаровы обращаются к проблеме становления образования и формирования национальной интеллигенции через призму государственной политики аккультурации мусульман Российской империи. Вывод авторов однозначен: социокультурная политика русского центра по отношению к мусульманским народам ориентировалась на задачи дальнейшего колониального расширения, а стратегия государственного просвещения была направлена на подготовку лояльных «инородцев». Авторы не склонны превозносить нарождавшуюся интеллигенцию, ссылаясь на чрезвычайно нелицеприятные оценки современников. По мнению одного из них, такие личности, как Ч. Валиханов, случайно пробивались из инородческой среды.

Здесь мы можем отметить определённую тенденциозность. Слабое развитие европейского образования и малочисленность интеллигенции Гафаровы объясняют отвержением российскими мусульманами политики аккультурации²⁷.

В ряде исследований казахских авторов, посвящённых образовательной политике Российской империи второй половины XIX - начала XX века в Степи, мы наблюдаем однозначно негативную оценку действий как центральных, так и местных властей. В них превалирует концепция «колониального порабощения» Империей казахского этноса. Так, например, в работе З.Т. Садвокасовой доказывается, что насильственное обрусение казахов шло по трём главным направлениям – языку, обычаям и вере²⁸. В интерпретации автора мектебе и медресе были форпостом национального единения казахов, которые противостояли процессу насильственной русификации²⁹.

Более взвешенный подход содержится в работе Р.С. Буктугуровой, которая исследует вклад российской интеллигенции в развитие образования среди казахского населения Степного края в начале XX века³⁰. Автор считает, что не только российским властям, но и казахской интеллигенции было ясно, что мусульманские школы с их средневековой схоластикой не удовлетворяли нужды края. Инициатива создания русско-казахских, аульных школ наталкивалась на противодействие казахского населения в силу его неготовности к данным нововведениям, а также из-за агитации, направленной против школ, шедшей от мусульманского духовенства. Вся тяжесть разъяснительной работы, пишет автор, легла на представителей российской интеллигенции, таких как А.Е. Алекторова, А. Филиппов, А.Н. Седельников, А.Л. Блех. Вывод автора сводится к следующему: за короткий срок в крае была построена разветвлённая сеть школ, в ко-

торых учились и русские, и казахи. Создавался пласт национальной интеллигенции. Традицию культурного обмена между народами не нарушили известные социальные катаклизмы. Культурные ценности, и в этом Р.С. Буктугурова уверена, остались в сознании казахского народа и сыграли свою положительную роль в развитии казахского общества.

Н.А. Адельбаева в диссертационной работе «Исторический опыт становления и развития школьного образования в Казахстане в XIX - начале XX веков» расценивает процесс формирования и развития системы школьного образования в крае как одно из средств проведения внутренней политики Российской империи в области просвещения коренного населения. Автор отмечает определённую гибкость царского правительства по отношению к мусульманским школам. Процесс организации и распределения различных типов школ Н.А. Адельбаева связывает с «историческими условиями жизнедеятельности казахского народа»³¹, а правительственные школы задумывались имперскими властями как важное средство в осуществлении задач русификации и христианизации местного населения. Автор настаивает на том, что в XIX – начале XX века менялось общественное сознание народа в сторону понимания ценности светского образования и только отсутствие школ не позволяло осуществлять задачу широкого просвещения народа.

В диссертационном исследовании А.А. Айтмухамбетова формирование в казахской степи сословия светски образованных людей связано с изменениями, происходившими в кочевом казахском обществе, продиктованными влиянием модернизационных процессов, разрушавших патриархальные устои и семейно-родовые отношения. При этом главное место отводилось именно Российскому государству, которое встало на пути формирования национальной интеллигенции в силу заинтересованности в возникновении «проправительственной номенклатуры и лояльной интеллигенции»³². Автор считает, что формирование исследуемой прослойки было социальным заказом метрополии. Интеллигенция в имперских планах, по мнению А. Айтмухамбетова, должна была стать той силой, которая бы противостояла провинции, отстаивающей идеалы национальной культуры.

Автор отдаёт должное русской интеллигенции Оренбурга и Омска в деле развития просвещения казахов, вместе с этим подчёркивается значительная роль в становлении казахской интеллигенции представителей татарской общины. Не отрицая негативность религиозного догматизма, доказываемая, что «мусульманство было народной идеологией и противостояло политике царизма».

В докторской диссертации того же автора, посвящённой становлению чиновничества из

казахского населения, доказываемая, что историю казахской интеллигенции можно вести с первой половины XIX века, когда административная модель управления вызвала к жизни формирование группы казахских военнослужащих на территории Среднего и Младшего жузов. Ядро этой группы составили выходцы из казахской элиты. Как правило, доказывает автор, казахи, получившие военное образование, включались в деятельность гражданских структур управления³³.

В работе показано то, как в XIX веке формировались профессиональные группы учителей, врачей, фельдшеров и ветеринаров. Большая часть этой казахской интеллигенции работала в сельской местности. Представители данной группы занимали низшую ступень указанной социальной прослойки в силу образовательного статуса, были переводчиками, писарями. Малая часть казахской интеллигенции имела университетское образование, как правило, юридическое, занимала должности судей, адвокатов, следователей, были чиновниками в городских государственных учреждениях.

В диссертации подчёркивается и то, что представители казахской интеллигенции инкорпорировались в новую цивилизационную среду, сохраняя при этом национальную идентичность. Им были близки интересы нации, интеллигенция ратовала за эволюционное развитие, за пробуждение национального сознания.

В 2004 году была защищена диссертация Л.Е. Койшегуловой на тему «История развития народного образования казахов Астраханской области (вторая половина XIX - начало XX века)»³⁴. Автор придерживается мысли о том, что «... боязнь появления национальной интеллигенции, роста национального самосознания и подъёма национально-освободительного движения народа против колониального режима толкали царское правительство к стремлению отгородить казахское население от средних общеобразовательных учебных заведений»³⁵. Мы считаем, что этот вывод характерен для работ, выполненных в советский период. Л.Е. Койшегулова оперирует терминами «духовное закабаление казахов», «подавление этноса», а школы, открываемые правительством для казахских детей (русско-казахские, двухклассные училища, одноклассные волостные и участковые училища, аульские школы), объявлены «средством по денационализации и русификации казахского народа»³⁶, при этом заявляется, что учебные планы, программы и учебники в русско-казахских школах были средством реализации «... главных положений реакционной политики царизма – русификация нерусских народов и воспитание их в верноподданническом духе»³⁷.

Нелогичным, на наш взгляд, является вывод исследователя о том, что русская администра-

ция «подстёгивала» казахов в деле привлечения их детей в начальные учебные заведения и именно эта «реакционная политика русских властей приводила к тому, что в средних общеобразовательных учебных заведениях обучался крайне ограниченный круг детей нерусских национальностей»³⁸.

Американские и европейские исследователи давно интересуются имперской политикой России. Так, американская исследовательница М.Б. Олкотт относительно казахской интеллигенции, получившей образование в российских учебных заведениях, предлагает рассматривать их как отдельную группу интеллектуалов. По мнению Олкотт, у представителей этой группы наблюдалось переплетение элементов западного национализма с реформаторским исламизмом. Не отрицая роли ислама в казахской культуре, они ратовали за снижение его влияния для того, чтобы было введено современное образование и др.³⁹

Западный исследователь У. Дуулер напрямую связывает процесс формирования «инородческой», в том числе и казахской интеллигенции с проведением в жизнь «системы Ильминского». У. Дуулер считает, что Н.И. Ильминский, с одной стороны, добился поставленной цели – уменьшить вероятность «татаризации» инородцев Урала и Поволжья, включая казахов, поскольку развитие национальной письменности, мероприятия по сохранению национальных языков противостояли проектам идентичности. Но, как считает учёный, другая цель не была достигнута – не удалось уберечь молодую национальную интеллигенцию от «пагубного влияния» современной ей цивилизации. Выпускники русско-инородческих школ сближались с русской либерально либо радикально настроенной интеллигенцией и становились её сторонниками. У. Дуулер делает вывод о том, что независимо от того, какие цели преследовал Н.И. Ильминский, объективно его школы содействовали созданию и развитию национальной идентичности у ряда народов имперского Востока⁴⁰.

А.И. Миллер считает, что шаги имперского правительства к поощрению национальных языков и формированию национальной интеллигенции были противодействием исламотатарской ассимиляции.

Таким образом, анализ историографии приводит к выводу о том, что в дореволюционной историографический период проблема национальной интеллигенции не ставилась, поскольку правительственный курс не предполагал социальных мероприятий по её формированию, но интеллигенция, на наш взгляд, оказалась чем-то вроде «побочного продукта» внедрения системы образования для «инородцев». В работах разработчиков, теоретиков и практиков этой системы доказывалась прогрессивность правительственных мероприятий по просвещению и

образованию казахов как цивилизационными средствами, так и для укрепления империи. Советская историография даже в условиях методологического диктата оставила богатый материал для дальнейших исследований по культурно-образовательной интеграции двух народов. На современном историографическом этапе авторы всё чаще обращаются к этноконфессиональному анализу темы, а также пытаются рассмотреть историю становления казахской интеллигенции, применяя имперский подход. Отсюда новые воззрения на смысл русификации, христианизации и аккультурации в целом. Одни авторы отдают «пальму первенства» инкорпорации (Ю.А. Лысенко, М.В. Стурова, Г.В. Савицкий, И.А. Анохин и др.), другие (А.А. и А.Н. Гафаровы, З.Т. Садвокаева и др.) настаивают на том, что в процессе становления и формирования казахской интеллигенции главенствовала аккультурация, сопротивление которой позволило казахским интеллигентам сохранить свою связь с этнической средой, сохранить свой менталитет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ *Алекторов А.Е.* Очерк народного образования в Тургайской области: летопись 1744-1898 гг. Оренбург, 1900; *Его же.* Очерки развития инородческого образования в России // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1914. Июль.
- ² *Васильев А.В.* Исторический очерк русского образования в Тургайской области и современное его состояние. Оренбург, 1896.
- ³ *Валиханов И.* Следы шаманства у киргизцев // Собр. соч.: в 5 т. Т.4. Алма-Ата, 1985. С.48-70; *Его же.* О мусульманстве в степи // Собр. соч.: в 5 т. Т.4. Алма-Ата, 1985. С.71-75; *Его же.* Словесность // Собр. соч.: в 5 т. Т.4. Алма-Ата, 1985. С.383-389.
- ⁴ *Миропиев М.А.* О положении русских инородцев. СПб., 1901; *Остроумов Н.П.* Коран и прогресс: по поводу умственного пробуждения современных российских мусульман. Ташкент, 1901.
- ⁵ *Ряднин М.* Казахстан на пути к социалистическому строительству: ответ на выступления оппозиции по национальному вопросу. Кызыл-Орда, 1928; Казахская Советская Социалистическая Республика / Под ред. Б. Мустафина, Н. Тимофеева. Алма-Ата, 1938; и др.
- ⁶ *Сабитов Н.* Мектебе и медресе у казахов (историко-педагогический очерк). Алма-Ата, 1950.
- ⁷ *Сабитов Н.* Русско-киргизские школы // Вестник АН КазССР. 1949. №7; *Тажубаев Т.Т.* Казахская школа при Оренбургской пограничной комиссии (1850-1860 гг.) Алма-Ата, 1961; *Его же.* Просвещение и школы Казахстана во второй половине XIX в. Алма-Ата, 1962.
- ⁸ *Бейсимбиев К.Б.* Ибрай Алтынсарин; Чокан Валиханов // Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века. Алма-Ата, 1957;

- Сегирбаев О.А. Мировоззрение Чокана Валиханова. Алма-Ата, 1959; *Тажимаев Т.Т.* Педагогическая мысль в Казахстане во второй половине XIX века. Алма-Ата, 1965; *Джумагулов К.Т.* Ибрай Алтынсарин. Ташкент, 1975.
- ⁹ *Бекмаханов Е.* Очерки истории Казахстана. XIX век. Алма-Ата, 1966. С.98-99; Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. / Под ред. А.И. Пискунова. М., 1976. С.485, 493.
- ¹⁰ *Миронов Б.Н.* Историческая социология России. СПб., 2009. С.49.
- ¹¹ *Тихонов А.К.* Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII - начале XX века. СПб., 2008. С.174.
- ¹² *Ремнёв А.В.* Имперское управление азиатскими регионами России в XIX - начале XX века: некоторые итоги и перспективы изучения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zaimka.ru/remnev-imperium/> (дата обращения 12.01.2018).
- ¹³ *Лысенко Ю.А.* Очерки истории Русской православной церкви в Казахстане (XVIII - начало XX в.). Барнаул, 2011. С.118-120; *Его же.* Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Казахстане XVIII - начало XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 2011.
- ¹⁴ *Савицкий Г.В.* Начальное народное образование на Южном Урале и в Северо-Западном Казахстане в 1850 - 1917 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Оренбург, 2004.
- ¹⁵ *Блинова О.В.* Этноконфессиональные школы Западной Сибири на рубеже XIX-XX вв.: положение и роль учителей и особенности образования // Вестник Омского университета. 2010. №2. С.154-161.
- ¹⁶ *Анохина И.А.* Государственная политика в деле просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX - начало XX века) // Известия ППГУ. Сектор молодых учёных. 2007. №3 (7). С.85-90.
- ¹⁷ *Ильясова А.С.* Положение казахской интеллигенции в дореволюционный период // Краеведение. 2003. №1. С.103-110. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://library.psu.kz/fulltext/bibl/b261.pdf> (дата обращения 12.01.2018).
- ¹⁸ *Абажанов Х.М., Гуревич Л.Я.* Интеллигенция Казахстана. Алма-Ата: ОНИОН АН КазССР, 1991.
- ¹⁹ *Григорьев В.К.* Противостояние. Большевики и непролетарские партии в Казахстане (1917-1920 гг.). Алма-Ата: Казахстан, 1989. С.34.
- ²⁰ *Григорьев В.К., Шапорев Ю.* Фрагменты времени. О чём не говорили. Алматы: Жалын, 1990. С.370.
- ²¹ *Грамс И.Я.* Педагог-просветитель Александр Васильев. Алма-Ата: Рауан, 1990.
- ²² *Бурабаев М.С.* Общественная мысль Казахстана в 1917-1940 гг. Алма-Ата: Гылым, 1990.
- ²³ *Кенжетаяв Б.А.* Казахские учебные заведения и процесс формирования казахской интеллигенции в середине XIX - начале XX века. Казань: ПИФ, 1996.
- ²⁴ *Храпченков Г.М., Храпченков В.Г.* История школы и педагогической мысли Казахстана. Алматы: Кайнар, 1998. С.97.
- ²⁵ *Казиев С.Ш.* Ислам, тюркизм и становление казахской этнонациональной идентичности в начале XX века // Вестник СВФУ. 2015. Т.12. №1. С.75-83.
- ²⁶ *Бейсембиев Т.К.* Среднеазиатский (чагатайский) тюрки и его роль в культурной истории Евразии (взгляд историка) // Тюркологический сборник. М.: Восточная литература, 2007. С.77-94.
- ²⁷ *Гафаров А.А., Гафаров А.Н.* Колониальная аккультурация традиционного уклада мусульман Российской империи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/colonialnaya-akkulturatsiya-traditsionnogo-uklada-musulman-rossiyskoy-imperii> (дата обращения 12.01.2018).
- ²⁸ *Садвокасова З.Т.* Русификаторская политика царизма в области нерусских народов // Отечественная история (Отан тарихы). 2008. №1. С.90.
- ²⁹ Там же. С.92-93.
- ³⁰ *Буктугурова Р.С.* Вклад российской интеллигенции в развитие образования среди казахского населения Степного края в начале XX века // Вестник Тюменского гос. ун-та. 2006. №4. С.29-37.
- ³¹ *Адельбаева Н.А.* Исторический опыт становления и развития школьного образования в Казахстане в XIX - начале XX веков: автореф. дис. ... д-ра ист. наук республики Казахстан. Уральск, 2010.
- ³² *Айтмухамбетов А.А.* Народное образование и формирование казахской интеллигенции Северо-Западного Казахстана во второй половине XIX - начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2000. С.3.
- ³³ *Айтмухамбетов А.А.* Казахские служащие Российской империи: формирование, профессиональная и общественно-политическая деятельность в XIX - начале XX вв. (исторический аспект): автореф. дис. ... д-ра ист. наук Республики Казахстан. Семей, 2010. С.4.
- ³⁴ *Койшегулова Л.Е.* История развития народного образования казахов Астраханской области (вторая половина XIX - начало XX века): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Атырау, 2004.
- ³⁵ *Койшегулова Л.Е.* Указ. соч. С.12.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С.18.
- ³⁸ Там же. С.12.
- ³⁹ *Olcott M.B.* The Fabrication of a Social Past: The Kasakhs of Central Asia // Political Anthropology Yearbook 1. Ideology and Interest: The Dialectics of Politics. New Brunswick: Transaction Publishers, 1980. P.193-213.
- ⁴⁰ Цит. по: *Леонтьева О.Б.* Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // Вестник СамГУ. 2012. №8/2 (99). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_18278513_85967385.pdf (дата обращения 12.01.2018).

**HISTORIOGRAPHIC APPROACHES TO THE PROBLEM OF FORMING
OF KAZAKH INTELLECTUALS AT THE ORENBURG REGION:
BETWEEN ACCUMULATION AND INCORPORATION**

© 2018 S.V. Lyubichankovskiy

Volga Region Branch of Institute of Russian History of the RAS, Samara,
Orenburg State Pedagogical University

The author analyzes the main historiographic approaches to the problem of forming of the Kazakh intelligentsia at the territory of the Orenburg region. He comes to the conclusion that in the pre-revolutionary historiography the problem of the national intelligentsia was not raised, since the government course did not presuppose social measures for its formation. Soviet historiography, even in conditions of methodological dictatorship, provided rich material for further research on the cultural and educational integration of two nations. In the modern historiography, the authors increasingly view the history of the formation of the Kazakh intelligentsia through the so-called «imperial approach». As a result, the main dispute on the problem is ongoing between supporters of two theories: acculturation and incorporation.

Keywords: acculturation, incorporation, Russian empire, cultural interaction, Orenburg region, Kazakhs, intelligentsia.